

Любимый человек?

Это словосочетание совершенно не вязалось с образом Лоу Цзинъюя.

Кто в мире боевых искусств не знал, что глава секты Чиян Лоу Цзинъюй — самый холодный и безжалостный человек? Создав собственную внутреннюю технику Скорбь, сотрясающую Пустоши, он возвысился над всеми, словно одинокая вершина. За все эти годы он едва ли достаивал взглядом тех мужчин и женщин, что сами навязывались ему.

Со временем пошли слухи, что Лоу Цзинъюй практикует Путь Бесчувствия...

Если бы в прошлой жизни он не провел с Инь Шии тот месяц, не увидел бы его пламенное, искреннее сердце, то, вероятно, и через несколько перерождений оставался бы таким же ледяным, отталкивающим людей на тысячи ли.

Судьба — штука непостижимая.

Дядя Цзян видел, как Лоу Цзинъюй рос, и знал, что тот с малых лет обладал твердым характером, действовал решительно, никогда не шел на компромиссы, а его планка была задрана до небес. О чувствах и речи не шло — казалось, он вообще лишен желаний, и никто никогда не достаивался его благосклонности.

Теперь, когда глава секты достиг таких высот, у него было всё, чего он мог пожелать, но найти того, кто по-настоящему пришелся бы по душе, оказалось непросто.

Если он полюбил, то какая разница, мужчина это или женщина, какое у него положение? Им, слугам, следует знать свое место и ставить предпочтения господина превыше всего.

— Это я проявил излишнюю дерзость, — произнес дядя Цзян. — Раз глава секты питает к нему чувства, то и статус его отныне иной. Как нам, слугам, следует к нему обращаться?

Инь Шии, в конце концов, мужчина. Будь он женщиной, подошло бы обращение госпожа, а так возникла заминка.

— Не нужно ничего менять, пусть будет как раньше. К Теневым стражам всегда обращались как к господам, так останется и впредь. Если изменить обращение, он может почувствовать себя не в своей тарелке, — смягчившись, ответил Лоу Цзинъюй.

Вопрос о смене обращения можно поднять и после свадьбы.

Дядя Цзян склонил голову в знак согласия, думая о том, что глава секты действительно пустил этого человека в свое сердце, раз даже о таких мелочах заботится столь внимательно.

— Напомни остальным слугам: видеть Инь Шии — всё равно что видеть меня лично...

Лоу Цзиньюй отдал еще несколько распоряжений, дядя Цзян всё записал и вместе с Цзян Янем удалился.

Выйдя из кабинета, Цзян Янь долго не мог прийти в себя, и лишь спустя время выдал:

— Оказывается, господин не просто ценил талант, он положил глаз на Инь Шии!

— Но когда это случилось? Почему господин вдруг... — Цзян Янь был в полном недоумении. — Раньше он не интересовался женщинами, да и к фаворитам был равнодушен, почему же выбрал именно Инь Шии?

Ведь Инь Шии всего лишь чуть лучше владеет мечом, чуть моложе, кожа чуть белее, внешность чуть приметнее, талия тоньше, а ноги длиннее...

Больше никаких достоинств!

На взгляд Цзян Яня, разрыв между господином и Теневым стражем был слишком велик, и он боялся, что если однажды господин охладает к Инь Шии, того ждет неминуемая гибель.

От этой мысли на душе стало тоскливо.

— Цзян, придержи язык, — оборвал его дядя Цзян. — Личные дела главы секты не нам обсуждать, и не нам в них вникать. Достаточно беспрекословно исполнять приказы.

— Благодарю за наставление, — Цзян Янь понял, что сболтнул лишнего, поклонился и бросил взгляд в сторону главного дворца.

Говорили, что сегодня утром господин сам внес Инь Шии в Дворец Цанлань. Как бы то ни было, сейчас господин дорожит этим человеком, а ему самому пора заняться делами.

————

Когда Лоу Цзиньюй вернулся во Дворец Цанлань, Инь Шии еще не проснулся.

— Господин, вещи господина Инь доставлены, — Миньюэ держала в руках небольшой сундучок, а двое слуг позади нее несли ящик побольше.

Лоу Цзиньюй поручил Миньюэ заняться этим перед уходом в кабинет. Раз уж Инь Шии предстоит жить во Дворце Цанлань, его вещи нужно было перевезти.

Постельное белье и туалетные принадлежности в Цанлане были, поэтому перенесли лишь одежду и личные вещи Инь Шии.

Их оказалось совсем немного — Инь Шии жил скромно, лишнего у него почти не было.

Лоу Цзиньюй перебрал вещи: несколько комплектов черной формы Теневого стража, сменная ночная одежда, три-четыре ватных халата — все простого кроя, ткань на ощупь самая обыкновенная.

Лоу Цзиньюй отложил одежду в сторону, решив вызвать портного, чтобы сшить для Шии новые наряды.

Помимо этого, в ящике лежали несколько свитков с записями приемов владения мечом.

Лоу Цзиньюй убрал книги в шкаф во внутренней комнате, чтобы Инь Шии было удобно их брать. Он подумал, что если Шии это нравится, то он отдаст ему все подобные книги из своего кабинета — наверняка тот обрадуется.

От этой мысли на душе стало тепло. Достав еще пару мечей, которыми Инь Шии пользовался чаще всего, он обнаружил, что большой ящик пуст.

Имущества у Шии было до обидного мало. Лоу Цзиньюй, чувствуя одновременно удивление и укол жалости, попросил Миньюэ подать маленький сундучок.

— Господин... — Миньюэ замялась. Содержимое этого сундучка было особенным и слишком явно выдавало чувства Инь Шии к господину. Она боялась, что Лоу Цзиньюй придет в ярость.

Она помнила, как одна служанка, работавшая во Дворце Цанлань, питала тайную страсть к господину. Однажды, подавая чай, она нарочно оступилась, пытаясь привлечь его внимание, но не успела даже коснуться его одежды, как была выброшена вон. Девушку наказали тридцатью ударами палками и изгнали из секты, а саму Миньюэ, как старшую служанку, наказали за недосмотр.

Господин терпеть не мог, когда кто-то смел питать к нему неподобающие чувства.

Но когда речь шла об Инь Шии, она уже не была так уверена.

В последние дни господин был столь необычайно добр к господину Инь...

С этими мыслями она под взглядом Лоу Цзиньюя открыла сундучок и поставила его на стол рядом с ним.

Первым делом в глаза бросился небольшой сверток. Лоу Цзиньюй взвесил его в руке — довольно тяжелый. Развернув, он увидел белое серебро — вероятно, все жалование, что Шии откладывал долгие годы.

Глупый ребенок, почему он умеет только копить, но не умеет тратить? Даже о себе позаботиться не может.

Под свертком лежала целая стопка плотной бумаги. Лоу Цзиньюй усмехнулся, собираясь полюбоваться почерком Шии, но, взглянув на записи, тут же изменился в лице.

Это был личный дневник Шии:

Седьмой день первого месяца, задание выполнено, вернулся с докладом. Сильный снегопад, господин стоит под карнизом, любясь снегом. Величественный и прекрасный. Начало нового года, молю лишь о здравии господина...

Конец весны, третьего месяца, тренировался в задних горах, случайно увидел, как господин прогуливался неподалеку...

Шестнадцатое число четвертого месяца, ранен на задании, боюсь, что запах крови осквернит господина, не могу прийти с докладом. Не знаю, когда увижу его снова...

Третье число шестого месяца, вернулся с юга, удостоился чести лично доложить господину. Не виделись больше месяца, господин по-прежнему прекрасен...

Двадцать девятое число восьмого месяца...

Десятый месяц...

Одиннадцатый месяц...

Первый месяц...

Записи тянулись одна за другой, год за годом. Даты были нерегулярными: иногда раз в месяц, иногда раз в три-пять месяцев. Лоу Цзиньюй читал страницу за страницей, дойдя до недавних дат.

Тот день, когда он после перерождения нашел Шии у озера — Шии сделал запись.

День, когда он заставил Шии пообедать с ним — Шии тоже сделал запись.

Каждый раз, увидев Лоу Цзинъюя, Инь Шии садился за дневник. Лоу Цзинъюй был главным героем его записей...

Оказывается, в тот день, когда Шии так усердно что-то писал в своей комнате, он записывал именно это.

В этих строках Лоу Цзинъюй словно увидел верную и упорную любовь, которую Инь Шии пронес сквозь долгие годы.

Сам он стоял в ярком свете, а Инь Шии в неизвестной ему темноте безмолвно оберегал его, выполняя одно задание за другим, лишь бы получить шанс хоть мельком взглянуть на него.

Глаза Лоу Цзинъюя защищало, а в груди словно что-то взорвалось, заставляя его немедленно прижать Шии к себе и больше никогда не отпускать.

<http://bllate.org/book/22235/2322314>